

ВРЕМЯ КАК ОБЪЕКТ ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Г.Р. ДЕРЖАВИНА

Анализируются особенности осмысления времени в поэзии Г.Р. Державина, которое воспринимается как синоним смерти. Поэт стремится преодолеть противоречия, возникающие в его сознании, и совместить мысль о скоротечности человеческой жизни и неизбежности смерти с идеей вечности и бессмертия.

Державин Г.Р., поэзия, философская лирика, поэтическое осмысление времени.

Мотивы, связанные с переживанием и осмыслением времени, широко представлены в поэзии Г.Р. Державина, творчество которого приходится на эпоху рубежа XVIII–XIX веков, когда в культурном сознании формируется новое романтическое мировидение, открывающее в стройной картине мира, характерной для классицистической системы представлений, такие явления, как дисгармония и хаос²⁰⁷. Художественному сознанию переходной эпохи последней трети XVIII – начала XIX века время открывается в новом качестве – как элемент мироздания, не подвластный воле Разума, вносящий в упорядоченную систему отношений дисгармонию и противоречивость.

Время оказывается самостоятельным объектом поэтического изображения. Открытие времени совершается в поэзии Державина на разных уровнях, причем в его поэтическом мире сосуществуют два противоположных взгляда:

с одной стороны, это классическая модель, отражающая идею победы над временем, с другой – романтическое восприятие неумолимо текущего времени, ощущение непредсказуемости и изменчивости всего сущего.

Для классицизма в целом характерно стремление овладеть временем. Образ времени, способного разрушить «золотой век» настоящего, появляется у Г.Р. Державина в оде 1773 года «На бракосочетание великого князя Павла Петровича с Натальею Алексеевною». Сам брак порфирородной четы осмысливается как факт успешного противостояния грозному времени, так как несет надежду на появление наследника, который станет залогом стабильности, процветания России и продолжения благих дел Петра Великого. Державин славит Екатерину, пекущуюся о благе отечества и с успехом противостоящую времени:

Не быть чтоб вредной ей никак
От грозна буйством зловна время,

От чуждого царимой племя,
Грядет творить днесь сыну брак ²⁰⁸.

В раннем творчестве Державина преобладает мысль о том, что время не властно над тем, кто творит благие дела, так как память о нем живет в сердцах людей. Наглядным примером для современников поэта является Петр I:

Хотя смерть косу поднимает
Равно и на владык земных,
Но вечно память пребывает
В сердцах людских царей благих
<...>
Вовек, вовек вы незабвенны,
Петра Великого дела! (1, с. 37–38)

Обелиски и памятники «в сердцах» людей – общее место ранних произведений Державина, посвященных Екатерине и другим великим современникам: «Таков тебе алтарь поставлен / В сердцах российских человек» («Ода Екатерине II», 1767) (3, с. 245); «В сердцах твой обелиск превысил все мемфисски / Без храмов, без статуй, сквозь тьму грядущих веков / Вселенна обожать мать будет человеков» («На открытие наместничеств», 1776) (3, с. 330); «У всех, кто любит добродетель, / В сердцах твой образ будет вечен» («На смерть Бибикова», 1774) (1, с. 18).

В зрелом творчестве тема монументов, символизирующих людскую память и связанных с понятием бессмертия, не уходит из поэзии Державина. Архитектурность как одна из существенных сторон державинского творчества была выделена Л.В. Пумпянским. Особая «любовь» к памятникам отмечается у Державина в 1791–1795 годах: «Архитектурная тематика и даже лексика была, в особенности к середине 1790-х годов, одною из важнейших отличительных черт поэзии Державина. Пирамиды, монументы, столпы, чертоги, колонны, истуканы, кумиры, мрамор, руины, обелиски – все это непрерывно теснится в его поэзии, а после Потемкинского праздника, и в особенности в годы 1794–1797, сгущается до такой степени, что «архитектура», не менее чем колоризм, навсегда становится сигнатурой его стиля» ²⁰⁹.

По мнению Л.В. Пумпянского, монументы являются одной из важнейших составляющих державинской системы грандиозных образов. Однако эти образы связаны также с идеей времени. Мавзолеи и памятники, как материальные объекты, подвержены воздействию времени: «Вождя при памятнике дивном / Возсядь и в пении унывном / Вещай: сей столп повергнет время, / Разрушит...» («Памятник

²⁰⁸ Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я.К. Грога : в 9 т. СПб., 1864–1883. Т. 3. С. 261. (Далее тексты Г.Р. Державина цитируются по данному изданию с указанием в скобках после цитаты тома и страницы)

²⁰⁹ Пумпянский Л. В. Классическая традиция : собр. трудов по истории русской литературы. М., 2000. С. 247.

герою», 1791) (1, с. 432); «И дни, и времена пройдут, / Разрушатся столпы, твердыни, / На царства царства упадут» («Монумент милосердию», 1805) (2, с. 524).

Но память о добрых делах живет в людских сердцах, обеспечивая бессмертие достойным героям, монархам, полководцам, благотворителям. Добрые дела «из мрака и веков блистают; / Нетленна память, похвала / И из развалин вылетают...» («Водопад», 1791–1794) (1, с. 483).

Обелиски, памятники, мавзолеи, установленные в людских сердцах, – один из художественных образов, выражающих идею преодоления времени. Не уходят из поэзии Державина образы памятников и в XIX веке, как, например, в оде 1810 года «Шествие по Волхову Российской императрицы»:

Вижу, мраморы, граниты
Богу взносятся на храм;
За заслуги знамениты
В память вождям и царям
Зрю кумиры изваянны (3, с. 39).

Но все чаще в творчестве Державина послеекатерининской эпохи появляются образы руин, развалин как знак уходящего прошлого и старости самого поэта. Стихотворение «Развалины» (1797) вписывается в общий контекст «руинного текста» русской культуры конца XVIII века, что подробно показано в исследовании Т.В. Зверевой²¹⁰.

На художественном уровне идея преодоления времени выражается также с помощью статичных образов, отражающих идею неподвижности, вечности, неизменности мира. Т.В. Зверева замечает, что «классицизм, культивирующий неподвижное, статичное пространство, был едва ли не самым существенным вызовом времени в истории человеческой культуры»²¹¹. Классицистическая организация пространственно-временной структуры поэтического произведения выстраивалась вне времени, похвальные оды превращались в оды-памятники.

Параллельно с традиционной картиной мира, из которой намеренно исключается Время или утверждается идея успешного преодоления времени, в творчестве Державина появляется мотив открытия Времени. Причем это открытие ставит поэта перед страшной бездной смерти, избежать которой не дано никому – ни простому гражданину, ни владельцу роскошных палат.

Первые поэтические размышления о времени отмечаются в творчестве Державина в переводных «Читалагайских одах» (1774). Несмотря на то, что эти размышления не принадлежат самому поэту, а являются лишь переводом текстов прусского короля Фридриха, мысли, выраженные здесь, отразятся в оригинальной творческой концепции Державина, поэтому важно уделить внимание некоторым фрагментам од «На постоянство» и «К Мовтерпию».

²¹⁰ Зверева Т.В. Взаимодействие слова и пространства в русской литературе второй половины XVIII века. Ижевск, 2007. С. 251–268.

²¹¹ Зверева Т.В. Взаимодействие слова и пространства в русской литературе второй половины XVIII века. С. 7.

Прославляя твердость духа великих людей, умеющих противостоять жизненным невзгодам в любых обстоятельствах, автор оды «На постоянство» в 7-й строфе отмечает: «Божество времени скорыми своими крылами летит и не возвращается к нам паки. Хотя не может оно отменить судьбины, но, кажется, в его отдалении самым своим полетом уже дает нам благо, ибо все им причиняемое

и все истребляемое, даже до малейшего следа, уносит оно с собою. Для чего ж вздыхать в краткое несчастье, которое пройдет в минуту, и для чего беспрестанно нам жаловаться?» (3, с. 285). Время здесь воспринимается не как зло, разрушающее гармонию «золотого века», а как благо, несущее конец страданиям и несчастьям. Такой взгляд кажется чуждым раннему Державину, нигде время в его оригинальных стихотворениях до 1779 года не осмыслялось подобным образом. Однако уже в стихотворении «На смерть князя Мещерского» этот мотив получит свое развитие в концовке, совсем, казалось бы, не вытекающей из тематического и интонационного содержания оды, – эпикурейском призыве к Перфильеву перестать «терзаться» из-за потери друга и воспринимать жизнь как «небес мгновенный дар». В этой завершающей строфе знаменитой оды Державина, особенно в вопросе «Почто ж терзаться и скорбеть?», слышатся отголоски вопроса: «Для чего ж вздыхать в краткое несчастье, которое пройдет в минуту?».

Совсем по-иному воспринимается время в читалагайской оде «К Мовтерпию», имеющей подзаголовок «Жизнь есть сон», соотносящий тему этого произведения с барочной эпохой, для которой актуальными были такие категории, как случайность, переменчивость, временность. Воспринятое на фоне

вечного и бесконечного вселенского пространства, случайные и преходящие мгновения человеческой жизни рождали типичное для барочной эпохи ощущение раздвоенности, противоречивости, бессмысленности. Недаром основными мотивами философской поэзии того времени становятся мотивы «помни о смерти», «жизнь – суета», подчеркивающие отсутствие гармонии в земном бытии. Эпоха барокко представляет мир разделенным на две сферы бытия, причем в земной жизни царит случайность, стихия, тьма, и жизнь человеческая по

сравнению с Высшим Божественным Бытием предстает ничтожной точкой. Дух человеческий может обрести надежду только в Боге, который является единственным организующим центром Вселенной. Подобное мировосприятие рождает соответствующие поэтические размышления: «О Мовтерпий, дражайший Мовтерпий, как мала есть наша жизнь! Цвет сей, сегодня блистающий, едва только успел расцвести, завтра увядает. Все проходит, все проходит строгою необходимостью судьбины, и все уносится <...> настоящее летит, будущее неизвестно, а прошедшее менее как сон... Время все захватывает в свое владычество, так что настоящее бежит, а будущее скоропостижно ему же последует. Человек! Область дней твоих – в вечности точка: быть одну минуту, сие называется жить <...>» (3, с. 286–288). Человек существует для того, чтобы

исчезнуть, а жизнь его, наполненная суетностью, представляется «игралищем непостоянства».

Такое отношение к проблеме времени, подчеркивающее трагическое восприятие быстролетящей к своему концу человеческой жизни, также получит развитие в оригинальном творчестве Державина, причем впервые отразится в том же стихотворении «На смерть князя Мещерского» (1779):

Скользим мы бездны на краю,
В которую стремглав свалимся;
Приемлем с жизнью смерть свою,
На то, чтоб умереть, родимся.
Без жалости все смерть разит:
И звезды ею сокрушатся,
И солнцы ею потушатся,
И всем мирам она грозит (1, с. 90–91).

Не только оды немецкого философа послужили для Державина образцом развития темы. С одной стороны, в основе своей произведения, связанные с мотивами смерти, равно ожидающей богача и бедняка, восходят к одам Горация. С другой стороны, перед Державиным было немало поэтических образцов его современников. А.Д. Галахов упоминает в качестве возможного источника оду немецкого поэта Галлера «Вечность», перевод которой был напечатан в декабре 1778 года в «Санкт-Петербургском вестнике». Отрывок из немецкой оды, на который указывал Галахов, и его перевод приводит Я.К. Грот в комментариях к оде «На смерть князя Мещерского» и при этом замечает, что сходство стихов Державина и Галлера «весьма отдаленное»²¹². Формулы, близкие державинской «на то, чтоб умереть, родимся», встречаются и в переводе Н.Н. Поповского «Опыта о человеке» А. Попа (1757), и в оде В.П. Петрова, посвященной графу Григорию Орлову 1771 года, на что также указывает Я.К. Грот²¹³. Можно обнаружить параллели в стихотворениях М.М. Хераскова («Станс г. Руссо», 1760; «Все на свете сем проходит», 1760), и М.Н. Муравьева (Ода шестая. «Как яры волны в море плещут...», 1775).

Тема, затронутая в оде Фридриха, переведенной Державиным при горе Читалагае, была популярна в русской поэзии даже в классицистическую эпоху, несмотря на то, что из ведущих жанров торжественной оды проблема времени исключалась. Широко разрабатывалась тема быстротечности и суеты жизни и неотвратимости смерти в творчестве А.П. Сумарокова, автора од «На суету мира», «На суету человека». Одним из ведущих мотивов этих произведений был мотив быстротечности времени, изменчивости и непостоянства мира, неизбежности смерти: «Все сие как дым преходит, / Природа к смерти нас приводит – /

212 Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я.К. Грота. Т. 1. С.

89.

213 Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я.К. Грота. Т. 1. С.

90.

Воспомянай,
о человек!»²¹⁴; «Время проходит, / Время летит, / Время проводит / Все, что ни
льстит»²¹⁵. Последователи сумароковской школы В.И. Майков, В.В. Капнист,
М.М. Херасков и поэты, объединившиеся вокруг его журналов «Полезное
увеселение» и «Свободные часы», выходявших в 1760-е годы, продолжали
развивать сходные мотивы в своих произведениях.

Державин стремится преодолеть трагические антиномии между жизнью
и смертью, что проявится уже в оде «На смерть князя Мещерского». Если в
«Читалагайских одах» разное восприятие времени (время как смерть,
трагический конец всех человеческих устремлений, и время как благо,
избавляющее от несчастий) выражается в разных произведениях, то Державин
пытается соединить то и другое в одном тексте, что порождает ощущение
совершенной неподготовленности финала, резкого перепада интонации в
заклучительной строфе. В то же время гедонистическая концовка позволяет
совершенно по-иному осмыслить все содержание «страшной», по выражению
В.Г. Белинского, оды Державина. Современный исследователь Н.И. Николаев
подчеркивает, что эта «неровность», эта неожиданность финала «на самом деле
оборачивается глубокой осмысленностью и чрезвычайной композиционной
стройностью», так как Державин «находит эмоционально и философски
убедительную универсальную модель соединения полярных отношений к
проблеме жизни и смерти, когда смерть перестает ощущаться пределом,
пугающим своей конечностью, а жизнь при этом
в своих сугубо мирских проявлениях вовсе не обесмысливается»²¹⁶.

Именно у Державина появляется двойная острота материального видения:
того, что есть, и того, что уходит, исчезает. Задачей поэта становится
стремление примирить в своем сознании две противоположные идеи –
быстролетящего к конечной «мете» времени человеческого существования и
навсегда неизменной вечности, соотносимой с бессмертием. Эта
индивидуальная задача соответствует цели, к которой стремилось культурное
сознание эпохи торжества Разума, – внести упорядоченность в земное
мироустройство, гармонизировать жизнь человека в ее земном воплощении и
духовном бытии, привести к единству мир божественный, идеальный, вечный и
мир временный, в котором пребывает человек. Однако в эпоху становления
романтического мировосприятия, когда приходит осознание невозможности
противостоять времени с помощью человеческого Разума, задача, стоящая перед
поэтом, осложняется.

Державин обращает внимание на ужасающую разум непреодолимость
жизненных антиномий, таких, как конечность, мгновенность человеческого

214 Русская литература – век XVIII. Лирика / сост., подгот. текстов и коммент. Н.
Кочетковой, Е. Кукушкиной, К. Лаппо-Данилевского [и др.]. М., 1990. С. 134.

215 Там же. С. 135.

216 Николаев Н.И. Внутренний мир человека в русском литературном сознании
XVIII века. Архангельск, 1997. С. 137.

существования и бесконечность, божественность полета мысли и души. В его поэзии находит зримое воплощение мысль о несоответствии желаемой гармонии и действительного хаоса. В то же время душа Державина не смиряется с ощущением дисгармонии и вера в то, что праведники будут вознаграждены, а носители зла наказаны, что Бог не оставляет этот мир и поддерживает в нем порядок, всегда сопровождает поэта.

Для Державина проблема преодоления сомнений, открывшихся человеческому сознанию в эпоху кризиса рационализма, была вовсе не пустым звуком. Об этом свидетельствует стихотворение «Успокоенное неверие», созданное в том же году, что и ода «На смерть князя Мещерского». Первая часть «Успокоенного неверия» с ужасающей наглядностью подчеркивает открывшуюся перед человеком страшную бездну хаотичной, не управляемой Высшим Разумом человеческой жизни. Людской век предстает цепью печалей, наполнен безотрадной тоской и непрерывным страхом смерти. Каждый миг омрачен ужасающей мыслью: «Вот грусть, вот скорбь, вот смерть придет! / Начала все конец сечет» (1, с. 71). Человек – «песчинка», неумолимо несущаяся по морским волнам «в вечну глубину» смерти:

Что жизнь? – Жизнь смерти тленно семя.
Что жить? – Жить – миг летяща время
Едва почувствовать, познать,
Познать ничтожество – страдать
<...>
Такая жизнь – не жизнь, но яд:
Змея в груди, геенна, ад
Живого жрет меня до гроба... (1, с. 71–72)

Поэт не может принять подобного взгляда на жизнь, которая, будучи наполнена вечным страхом смерти, превращается в ад. Непонятны и чужды ему также мысли о грозящих человеку вечных муках ада:

Отсель изъемлет скоротечность;
А там?.. а там разверста вечность!
Дрожу! – лиется в жилах хлад.
О вечность, вечна мука, ад! (1, с. 72)

Спасти от этих ужасных сомнений может только истинная Вера в Бога, создавшего человека и природу не для терзаний и мук, а на благо: «Бог благ, отец он Твари всей» (1, с. 73). Так, Вера, олицетворяющая собой идею постижения Бога не мыслью, а духовным чувством, становится тем скрепляющим звеном, которое вносит гармонию в смятенный мир человеческой души. Место человеческого разума, не способного преодолеть хаос, занимает духовное чувство веры в изначальное единение человека с Богом и миром. С помощью веры успешно преодолевается трагическая разочарованность в гармоничности мироздания и сомнения, вызванные проникающими в Россию в конце XVIII века западными атеистическими веяниями.

Уже в ранней поэзии Державина определилась тесная связь между проблемами времени и смерти: заслужить бессмертие, которое ассоциируется с вечной памятью в людских сердцах, – значит преодолеть время и смерть. Время является синонимом смерти в оде «На смерть князя Мещерского», что убедительно показал А.А. Левицкий²¹⁷. Смерть у Державина персонифицируется, приобретает зримые атрибуты, традиционные и для европейской, и для славянской мифологии (наиболее часто – «коса», которой размахивает «бледна смерть», парки, обрезающие нить жизни, «старик угрюмый и седой» – Харон, переправляющий души умерших в загробный мир, червь, гложущий человеческие кости).

Само время представляется также в традиционных мифопоэтических образах: переменчивого, непостоянного *ветра* («На выздоровление мецената»), *воды*, льющейся в море-вечность («На смерть князя Мещерского») или стремглав падающей в бездну («Водопад»), *реки* – «река бегущая чуть льется», то есть мотив приостановленного бега времени («Соловей»), краткой *тени* – мига («На кончину великой княжны Ольги Павловны»), *колесницы* («Колесница») и *колеса* – «Колеса движешь быстротечны вращающейся природы всей» («Изображение Фелицы»).

Нетрадиционным образом, передающим державинское ощущение конечности человеческой жизни и ее далеко не всегда разумного течения, становится сопоставление жизни людей с игрой в горелки («Горелки»):

На поприще сей жизни склизком
Все люди бегатели суть:
В теченьи дальном или близком
Они к мете своей бегут (1, с. 547–548).

Нередко в поэзии Державина поводом для размышлений о времени и возможном его преодолении (то есть бессмертии) у поэта становится смерть – чаще всего – кого-либо из близких ему людей или прославленных деятелей, или смерть неожиданная, поражающая разум своей абсурдностью. Открывается целая группа подобных произведений ранней одой «На смерть Бибикова», входящей в цикл «Читалагайских од», а завершается самым последним стихотворением «Река времен...», написанным поэтом в предощущении собственной смерти. Несомненной вершиной в этом цикле является ода «Водопад», поводом к написанию которой стала смерть Г.А. Потемкина. Одно из значений центрального поэтического образа – «жизнь человеков», с бурной стремительностью несущаяся в потоке страстей, а сама бурлящая вода – это время, неумолимо влекущее человека к бездне смерти:

Не так ли с неба время льется,
Кипит стремление страстей,
Честь блещет, слава раздается,

217
1996. С. 65.

Левицкий А.А. Образ воды у Державина и образ поэта // XVIII век : сб. 20. СПб.,

Мелькает счастье наших дней,
Которых красоту и радость
Мрачат печали, скорби, старость? (1, с. 464)

Как верно отмечает Ю.В. Стенник, «тема смерти в «Водопаде» сопрягается с постановкой вечных вопросов человеческого бытия, и одним из стимулов лирического самовыражения становится у Державина ощущение времени. Время как частица вечности, время как необратимая мера пределов земного бытия, отпущенного человеку для свершения предначертанного ему свыше – таковы грани воплощаемой в оде системы мирозерцания»²¹⁸. Водопад является одновременно и символом времени как трансцендентной категории, не зависящей от воли человека и влияющей на его жизнь, и символом движения истории, творимой людьми, и символом громкой славы таких исторических деятелей, как Г.А. Потемкин, ослепляющих современников блеском своих военных триумфов и неумеренной страстью к роскоши. Появившись в творчестве Державина в начале 1790-х годов, символический образ водопада не уходит из его поэзии. Он появится также в стихотворении «На смерть Нарышкина» (1799), и здесь этот образ также тесно сопряжен с идеей неумолимо текущего времени:

Падающая с небес река!
Ток светлых, непрерывных вод!
Чья всемогущая рука,
О время! О минувший год!
Твое течение прекратила?
Какая мгла тебя сокрыла?
<...>
Что было, то не придет вспять:
Проходит то, что вмиг пройдет,
Что будет впредь – не можно знать,
И вот Нарышкина уж нет (2, с. 36–37).

В позднем стихотворении «Облако» (1806) под водопадами, падающими стремглав в бездну, подразумеваются вознесенные счастливым случаем на вершину славы и блеска вельможи, не заботящиеся ни об умеренности, ни о добродетели:

Сияньем ложным украшенны,
Страстей не выдержав борьбы
И доблестей путь презря, правды,
Превесясь злом, как водопады,
Падут стремглав на низ во мглах:
Быв идолы, бывают прах (2, с. 592).

218

Стенник Ю.В. Композиция и план державинского «Водопада» // Г.Р. Державин и русская литература. М., 2007. С. 45.

Быстротекущее время в системе ценностей державинского мира имеет, как правило, негативную оценку, так как соотносится со смертью. Лексема «время» во многих случаях сопровождается эпитетом «злое» или употребляется в контексте, отражающем эту же идею «злого» начала: «Так! время злое быстротечно / Летит меж тем, как говорим...» («На ворожбу», 1798) (2, с. 163); «Друг мой! Увы! Озлобясь, Время / Его спешило в гроб сокрыть» («Память другу», 1803–1804) (2, с. 461).

Время мифологически соотносится с образом беспристрастного строгого судьи, оценивающего поступки каждого человека. В соответствии с этим образом нередко лексема «время» сопровождается эпитетом «строгое»: «Быть может, что сии чертоги, / назначены тобой царям, / Жестоки времена и строги / Во стойла конски обратят» («Ко второму соседу», 1791) (1, с. 440); «Как приидет время строго / И на злобу грянет гром...» («Утешение добрым», 1804) (2, с. 509).

В 1804 году Г.Р. Державин создает стихотворение «Время» («О Д<ьяков>! Д<ьяков>! как время / Быстро в вечность все несет!..»), которое вписывается в целый ряд произведений с таким же названием: два стихотворения были созданы М.М. Херасковым («Лиющаяся река как огненны потоки...» (1761) и «Ты, время! быстрыми крылами...» (1800), элегию «Время» в 1783 году написал М.Н. Муравьев («Постойте, вобразим, друзья, быстротекуще время...»), свое подражание Горацию В.В. Капнист также назвал «Время» («Неприметно утекают воскрыленные лета...»). Каждый поэт раскрывает свое отношение к проблеме времени по-своему, несмотря на то, что все произведения имеют одинаковое заглавие.

В раннем стихотворении «Время» М.М. Херасков восклицает «О время! Я, тебя представя, трачу ум» и рисует картину гибели всего, что существует в мире: «время все дела людские пожирает», «И титулы и умы удобно время стерть, / Всех обща в свете часть: забвение и смерть»²¹⁹. В стихотворении, созданном в рубежный год завершения XVIII столетия, поэт продолжает развивать те же мысли:

К чему серпом своим коснется,
Где время только пробежит –
Все гибнет, ржавеет и рвется,
Покрыто мхом седым лежит²²⁰.

Всесокрушающее время, уничтожая все на своем пути, само несетя к гибели: его «поглотит вечность движения и крыл лишит». Отношение М.М. Хераскова к времени, неподвластному человеческому разуму и воле, соотносимо с предромантическим мироощущением.

219 Русская литература – век XVIII. С. 199.

220 Русская литература XVIII века, 1700–1775 : хрестоматия. М., 1979. С. 287.

Если в произведениях М.М. Хераскова время представлено как некая грозная абстрактная сила, которой ничто не может противостоять, кроме самой вечности, то в одноименном стихотворении М.Н. Муравьева – совсем иная тональность. Оно написано в форме дружеского послания, что позволяет придать рассуждениям о времени оттенок интимности. Как справедливо отмечает О.В. Алексеева, стихотворение, обращенное к конкретным адресатам, в данном случае

к друзьям, «переводит саму проблему в личностный, зависящий от внутреннего мира человека план оценки. Время становится аксиологически значимым, подлежит индивидуально неповторимой в каждой точке жизни оценке, наполняясь новыми чертами в зависимости от воспринимающего его человека»²²¹. Призывая друзей «вообразить время», М.Н. Муравьев не замирает в бессилии перед его неостановимым, несущимся в небытие потоком. Поэт сосредоточивает внимание не столько на мрачных картинах жизни, стремящейся к смерти и разрушению, сколько на противоположных ситуациях, несущих жизнь и свет: «Недавно упал без силы солнца свет – / Се, в нивах брошено, проникло в класы семя / И жателя зовет»²²². Солнце, скрывшееся за горизонтом, вскоре восходит и зажигает новый день.

М.Н. Муравьев подчеркивает такую черту человеческого восприятия времени, как субъективность. Дни, насыщенные радостью и делами, приносящими моральное удовлетворение, противостоят по своей долготе дням, проведенным впустую: «Минута, кою жил, длиняе году сна». И если жизнь счастливая вдруг сменяется периодом «сна», человек имеет средство противостоять унынию, ведь «время наконец с сердечной дски стирает / Ржу чуждую сию». Поэт призывает находить радость в отдельных мгновениях, подчеркивая, что «все года времена имеют наслажденья – во всяком возрасте есть счастье свое»²²³, а восприятие окружающего мира во многом зависит от внутреннего состояния человека. В отношении М.Н. Муравьева к проблеме восприятия времени проявляются особенности мироощущения сентименталистов.

Стихотворение Г.Р. Державина «Время» также обращено к конкретному адресату – Н.А. Дьякову, брату второй жены поэта, и могло бы в связи с этим изначально предполагать ту же интимизацию образа времени. Однако заявленное вначале стихотворения обращение носит скорее абстрактный характер. Отставка Дьякова, с которой связано написание стихотворения, – лишь повод для общих рассуждений о быстротечности человеческой жизни и утверждения морально-этических идеалов. Несмотря на то, что «время быстро в вечность все несет» и ничто не может удержать «дней летящих», что молодость

221 Алексеева О.В. Поэт времени (образ времени в поэтическом наследии М.Н. Муравьева) // Вестник молодых ученых. 2005. № 4. (Серия: Филологические науки. 2005. № 2. С. 50.)

222 Русская литература – век XVIII. С. 388.

223 Там же.

не возратить и каждый человек должен умереть, дух человеческий, эта «божественная искра», будет жить вечно, «и те дела не умрут, производят что добро» (2, с. 532). Размышления о времени превращаются у Державина в проповедь добродетели: «Так – едина добродетель здесь и там счастливит нас». Над добродетельным человеком не властно время: «им ни время не владеет, ниже золото, ни серебро», так как он получает награды за свои добрые дела в вечной жизни. В стихотворении проявляется также мысль о субъективности восприятия времени:

Длинно время для терпенья,
Для веселия быстрó, –
Но премудрый проживает
Равнодушно весь свой век (2, с. 533).

Державин в отличие от Муравьева не предлагает адресату искать утешения в своем внутреннем мире, мудрый человек, по его мнению, утешается делами, направленными вовне, на общественное благо: «Коль с невинных снял железы, / Ускорил коль правый суд; / Коль отер сиротски слезы, / Не брал лихвы, не был плут» (2, с. 533). Только запасаясь «котомою добрых дел», человек может быть уверен в вечной жизни своего духа и не бояться ни времени, ни тлена. В державинском стихотворении, несмотря на то, что оно написано уже в новом XIX столетии, проявляются традиции классицистического мировосприятия.

Стихотворение В.В. Капниста «Время» представляет собой подражание Горацию (книга 2, ода XIV). Древнегреческий образец не имеет названия, в нем актуализируется мотив скоротечности человеческой жизни, быстрого наступления старости и неизбежности смерти, а в финале звучит мысль о бесконечном повторении жизненного круга, так как после смерти человека жизнь его продолжают наследники, беззаботно наслаждающиеся отведенными им годами. Давая своему произведению заглавие «Время», В.В. Капнист тем самым выражает свое отношение к ведущей общефилософской категории, ставшей объектом пристального поэтического внимания в переходную эпоху. Сознвая свою личную конечность, человек, тем не менее, может найти утешение в том, что жизнь с его смертью не кончается, она повторяется в новых поколениях.

Таким образом, индивидуальное отношение Г.Р. Державина к проблеме времени отчетливо вырисовывается при сравнении с особенностями мировосприятия других поэтов. Державин совмещает разные, актуальные для его эпохи, мировоззренческие концепции, при этом пессимистический взгляд на разрушающее все на своем пути время не может удовлетворить поэта, он, как и другие представители века Просвещения, ищет путь разумного постижения проблемы жизни и смерти, времени и вечности. Наряду с утверждением морально-этического идеала в жизни, который звучит во многих произведениях Державина, в том числе и в рассмотренном стихотворении «Время»,

адресованном Дьякову, поэт подчеркивает ценность настоящего мгновения, ценность бытовой, повседневной стороны жизни. Эта позиция в полной мере проявляется в послании «Евгению. Жизнь Званская», где автор выражает свое отношение к идее суетности и тщетности всего преходящего следующим образом:

«Все суета сует! – я, вздыхая, мню;
Но, бросив взор на блеск светила полудневна, –
О, коль прекрасен мир! Что ж дух мой бремени?
Творцом содержится вселенна...» (2, с. 637)

Способы противостояния времени, предлагаемые Державиным, сводятся к нескольким типологическим моделям. С одной стороны, поэт предлагает не «терзаться» мыслями о смерти и радоваться каждому мгновению бытия, наслаждаться всеми благами жизни, с другой стороны, призывает к умеренности и добродетельности. Эти модели поведения можно условно обозначить как «житейские» правила, позволяющие обычному человеку жить в гармонии с собой и с окружающим миром. На более высоком уровне противостоит смерти и быстролетящему времени неизменная в художественном мире Державина идея Вечности, вечного присутствия в безграничной вселенной Бога, заботящегося о гармонизации мироздания. Поэт, осознавший трагическую противоречивость мира и его непознаваемость с помощью разума, в отличие от рационалистов стремится узнать Бога сердцем, чистой душой, которая является залогом всякого поэтического творчества.

Между временем человеческой жизни и вечностью стоит некая граница («двери вечности», «мета», «порог», «река, через которую переправляются души в царство мертвых» и пр.). Державин верит, что граница преодолима. Целостная картина бытия, в котором человеку отводится одно из центральных мест как связующему звену между Богом и другими земными «тварями», создается в знаменитой оде «Бог». Державин рассматривает земную жизнь как неотъемлемую часть вечной жизни. Рождение человека, его жизнь во плоти и смерть – лишь необходимые составляющие бессмертия:

Твоей-то правде нужно было,
Чтоб смертну бездну преходило
Мое бессмертно бытие;
Чтоб дух мой в смертность облачился
И чтоб чрез смерть я возвратился,
Отец! в бессмертие твое (1, с. 203).

Смерть и бессмертие не являются здесь противопоставленными понятиями: смерть – дверь в бессмертие. Залогом бессмертия, безболезненного перехода из мира земного в вечный мир горний становится память потомков, которая достигается честным служением отечеству и добрыми делами, а также поэзия – аналог любого творчества. Тема бессмертия является одной из

основных в философских стихотворениях Державина, созданных в разные периоды творчества.

Таким образом, мотивы всеокрушающего времени и смерти оказываются в центре поэтического мира Державина. Однако понимание скоротечности человеческой жизни и неизбежности смерти не приводит поэта к отрицанию гармонии мироздания. Поэт убежден в изначально разумном устройстве мира, однако если в эпоху расцвета рационализма тезис о торжестве Божественного Разума являлся аксиомой, то Державину приходится преодолевать возникшие сомнения, бороться с противоречиями, открывшимися его сознанию в эпоху кризиса рационализма. К убеждению об изначальной гармонии между человеком и Богом поэт приходит в моменты творческого вдохновения, постижения Божественной сущности не разумом, а чувством. Совмещая противоположные позиции, обращая внимание на ужасающие разум антиномии земного бытия, связанные с неумолимым движением времени и неизбежностью смерти, поэт стремится вернуть миру гармонию. Он открывает себе и своему собеседнику красоту земного бытия, сотворенного Богом, подчеркивает необходимость соблюдения этических норм в жизни, позволяющих сохранить внутреннюю душевную чистоту и жить в покое с собой и окружающим миром.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева, О.В. Поэт времени (образ времени в поэтическом наследии М.Н. Муравьева) [Текст] // Вестник молодых ученых. – 2005. – № 4. (Серия «Филологические науки». 2005. № 2. С. 46–52).
2. Зверева, Т.В. Взаимодействие слова и пространства в русской литературе второй половины XVIII века [Текст] / Удмурт. ун-т. – Ижевск, 2007. – 328 с.
3. Левицкий, А.А. Образ воды у Державина и образ поэта [Текст] // XVIII век. – СПб. : Наука, 1996. – Сб. 20. – С. 47–71.
4. Николаев, Н.И. Внутренний мир человека в русском литературном сознании XVIII века [Текст]. – Архангельск : Изд-во Помор. гос. ун-та, 1997. – 148 с.
5. Пумпянский, Л.В. Классическая традиция [Текст] : собр. трудов по истории русской литературы. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 864 с.
6. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я.К. Грота [Текст] : в 9 т. – СПб. : Изд-во Академии наук, 1864–1883.
7. Стенник, Ю.В. Композиция и план державинского «Водопада» [Текст] // Г.Р. Державин и русская литература / отв. ред. А.С. Курилов. – М. : ИМЛИ РАН, 2007. – С. 38–50.
8. Хализев, В.Е. Теория литературы [Текст] : учеб. – М. : Высшая школа, 2002. – 437 с.

A.G. Maslova

Time as an Object of Poetic Reflection

in the works of G. R. Derzhavin

The article analyzes Derzhavin's perception of time as a poetic image. For Derzhavin time is a synonym of death. The poet tries to superimpose the idea of finiteness and mortality on the idea of eternity of life.

Derzhavin's poetry, philosophical lyrics, poetic reflection on time.